

Тихомиров П. В. Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управлению: (Несколько историко-канонических справок и соображений в дополнение к статьям Л. А. Тихомирова и проф. Н. А. Заозёрского о церковном управлении и церковной власти) // Богословский вестник 1904. Т. 1. № 1. С. 75–106 (3-я пагин.). (Начало.)

Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управлению.

(Нѣсколько историко-каноническихъ справокъ и соображеній въ дополненіе къ статьямъ Л. А. Тихомирова и проф. Н. А. Заозерскаго о церковномъ управленіи и церковной власти).

Историческое положеніе вопроса. — Задачи и составъ изслѣдованія. — I. *Какъ произведена была* Петровская церковная реформа?—II. Каноническое достоинство Петровской церковной реформы по ея *учредительнымъ актамъ*: 1) ея основанія;—2) ея внутренній характеръ;—3) характеръ создаваемыхъ ею отношеній между церковью и государствомъ.—III. Каноническое достоинство Петровской церковной реформы по созданной Регламентомъ *практикѣ*: 1) церковно-административная практика Петровскаго времени; — 2) отношеніе къ преобразованному строю церковнаго управленія со стороны русской іерархіи въ послѣпетровское время; — 3) раскрытіе положенныхъ въ основу реформы принциповъ въ послѣпетровскомъ законодательствѣ.—Общее заключеніе.

Созданная Петромъ Великимъ организація церковнаго управленія въ Россіи приближается уже къ 200-лѣтнему юбилею своего историческаго существованія. Другія Петровскія учрежденія въ сферѣ высшаго управленія подверглись въ послѣдствіи разнообразнымъ и часто радикальнымъ перемѣнамъ. Едва-ли не одинъ только святѣйшій Синодъ доселѣ сохранилъ во всѣхъ существенныхъ чертахъ данное ему Петромъ устройство ¹⁾;—во всякомъ случаѣ, Петровскій Регламентъ и доселѣ является въ церковномъ управленіи

¹⁾ Говоря это, мы не забываемъ происходившихъ въ разное время перемѣнъ въ составѣ членовъ св. Синода, въ объемѣ оберъ-прокурорской власти и т. п.

дѣйствующимъ законодательствомъ. Казалось-бы, такая долговѣчность учрежденія должна считаться показателемъ его соотвѣтствія нуждамъ и интересамъ церковной жизни Россіи; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, за весь этотъ періодъ трудно указать такое время, когда бы какъ въ духовенствѣ, такъ и въ народѣ не существовало скрытаго недовольства своими церковными порядками, проявлявшася иногда и въ формѣ открытой критики и протестовъ. Началось это съ самаго учрежденія св. Синода и продолжается вплоть до нашихъ дней. Возьмемъ хотя-бы послѣдніе 30 — 40 лѣтъ, — мы увидимъ, что время отъ времени дѣятели какъ духовной, такъ и свѣтской журналистики съ замѣчательной настойчивостью возвращаются къ этому старому вопросу о достоинствѣ нашего церковнаго устройства и управленія. Обыкновенно кто-либо выступаетъ апологетомъ или противникомъ послѣдняго; — сейчасъ-же появляется рядъ статей, или примыкающихъ къ этому взгляду, или опровергающихъ его; разгорается полемика, въ большинствѣ случаевъ, безрезультатная — какъ въ смыслѣ соглашенія между собою спорящихъ сторонъ, такъ (тѣмъ болѣе) и въ смыслѣ какихъ-либо практическихъ послѣдствій. Но это не мѣшаетъ черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ такому спору разгораться снова. Въ послѣдній разъ мы были свидѣтелями подобной полемики въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Появившаяся въ апрѣльской кн. „Русскаго Вѣстника“ за 1891 г. статья г. Z: „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ вызвала цѣлую серію статей, посвященныхъ разностороннему обсужденію Петровской церковной реформы. Такъ въ томъ-же 1891 году и тоже въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ помѣщена (въ ноябр. кн.) рѣзкая критика или „отповѣдь“ на статью г. Z подъ заглавіемъ: „О преобразованіи церковнаго управленія Петромъ I“; эта статья вмѣсто подписи имѣетъ подъ собою три звѣздочки. По поводу обѣихъ этихъ статей проф. Н. Θ. Каптеревъ напечаталъ въ іюньской, августовской и октябрьской книжкахъ „Богословскаго Вѣстника“ за 1892 г. историческій этюдъ подъ заглавіемъ: „Сужденіе большаго Московскаго собора 1667 года о власти царской и патриаршей“. Одновременно съ этимъ въ іюньской и іюльской кнн. „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“ за 1892 годъ г. В. В. Бѣлогостицкій напечаталъ свою статью

подъ заглавіемъ: „Реформа Петра Великаго по высшему церковному управленію“, также имѣющую въ виду сужденія, высказанныя г-номъ Z. Мы не знаемъ точно, почему тогда эта литература не разрослась еще болѣе... Но вотъ проходитъ десять лѣтъ,—и мы снова видимъ, что въ концѣ 1902 и началѣ 1903 годовъ вопросъ о высшемъ церковномъ управленіи снова начинается обсуждаться въ свѣтской и духовной печати: „Московскія вѣдомости“, „Новый путь“, „Богословскій Вѣстникъ“ открываютъ свои страницы для этого обсуждения. Теперь старый вопросъ опять поставленъ на очередь... Такое періодически наблюдаемое настойчивое возвращеніе къ нему свидѣтельствуетъ о томъ, что вопросъ этотъ составляетъ большое мѣсто нашей церковно-общественной жизни; а по пословицѣ, „у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“; — и какъ у больного, при всякомъ прикосновеніи къ его ранѣ, невольно вырываются стоны, такъ и съ Петровской церковной реформой: стоитъ лишь кому-либо заговорить о ней, чтобы снова отовсюду начали появляться возраженія, разъясненія и т. под.

Указанное положеніе дѣла, надѣмся, освобождаетъ насъ отъ обязанности какъ-либо особенно мотивировать свое желаніе—присоединить и нашъ голосъ къ хору сужденій о Петровской церковной реформѣ. Мы думаемъ, что наши справки и соображенія не лишены будутъ нѣкотораго значенія какъ при оцѣнкѣ современнаго церковнаго состоянія Россіи, такъ и при обсужденіи съ разныхъ сторонъ предлагаемыхъ проектовъ его улучшенія. Внѣшнимъ поводомъ къ напечатанію нашего очерка мы въ подзаголовкѣ его выставили появленіе статей Л. А. Тихомирова: „Запросы жизни и наше церковное управленіе“ (въ „Моск. вѣд.“ за 1902 г. №№ 343—345. и отдѣльной брошюрой—Москва, 1903, стр. 45 in 16°) и проф. Н. А. Заозерскаго: „О средствахъ къ усиленію высшей церковной власти въ Россіи“ (въ „Богосл. Вѣстн.“ за 1903 г., кн. 4. 9. 11). Оба почтенныхъ автора предлагаютъ рядъ различныхъ преобразованій и улучшеній въ организациі нашей высшей церковной власти и въ системѣ церковнаго управленія. Мы однако не имѣемъ въ виду вдаваться въ разсмотрѣніе этихъ предложеній, а хотимъ лишь освѣтить одну принципиально важную историко-каноническую сторону этого вопроса, нарочито не затрагиваемую обоими авто-

рами. Такое освѣщеніе, мы полагаемъ, должно расчистить почву для всякаго рода церковно-преобразовательныхъ предложеній, обыкновенно встрѣчаемыхъ болѣе консервативной частью духовенства и общества съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и опасеніемъ. Если всякое мѣропріятіе въ церковной жизни возможно только при наличности *канонически-достаточныхъ* основаній къ нему, то преобразовывать весь строй церковнаго управленія, имѣющаго за собою почти 200-лѣтнюю давность, не значить-ли признавать, что за всѣ эти два столѣтія наша церковная жизнь слагалась по антиканоническимъ принципамъ? Не значить-ли это бросать осужденіе въ лицо самой русской Церкви 18—19 вѣковъ, дискредитировать всѣхъ ея выдающихся дѣятелей и заподозрѣвать достоинство тѣхъ религиозно-нравственныхъ мѣропріятій и трудовъ, какіе совершены этими дѣятелями на благо русскаго народа? Такая мысль слишкомъ тяжела для всякаго искренняго сына Церкви и оправдываетъ,—по крайней мѣрѣ психологически,—его подозрительное отношеніе ко всякаго рода реформаціоннымъ проектамъ. Если гдѣ, то именно въ церковной жизни разрывъ съ практикой предшествующихъ поколѣній и съ традиціями прошлаго особенно тяжелъ и долженъ совершаться лишь при полномъ убѣжденіи въ его законности. Поэтому-то мы и считаемъ весьма важнымъ, — помимо разсмотрѣнія тѣхъ или иныхъ недостатковъ церковнаго управленія,—обратиться къ самому происхожденію послѣдняго, какъ къ предположительному первоисточнику этихъ недостатковъ, и посмотреть, есть-ли здѣсь чѣмъ дорожить-то; — составляютъ-ли созданныя Петромъ формы и условія ц. правленія нѣчто *положительно* существенное для осуществленія русской Церковью ея каноническихъ задачъ, или-же онѣ суть только *стѣняющія* церковную жизнь рамки, въ которыхъ русская Церковь,—не теряя своего *каноническаго достоинства*, но лишенная въ то-же время возможности развернуть всю свою мощь, — вынуждена существовать вотъ уже скоро два столѣтія? Другими словами: составляютъ-ли эти формы и условія *каноническую принадлежность* русскаго церковнаго строя, самостоятельно вытекающую изъ существа и назначенія Церкви, или-же онѣ воплощаютъ въ себѣ неканоническіе, государственные интересы, съ которыми Церковь, какъ юридическій институтъ, *вынуждена* считаться, —

подобно тому, какъ вынуждена была въ свое время считаться съ юридическими принципами языческаго римскаго государства или византійскаго цезарепализма? Съ послѣдней точки зрѣнія церковная реформа можетъ оказаться не только не роняющей, а даже возвышающей достоинство церкви.

Такимъ образомъ, нашъ вопросъ о каноническомъ достоинствѣ Петровской церковной реформы отнюдь не есть вопросъ о законности современнаго русскаго ц. правительства, о канонической обязательности его постановленій и распоряженій и объ авторитетности его сужденій. Подобнаго вопроса и быть не можетъ, потому что св. Синодъ нашъ во всѣхъ православныхъ помѣстныхъ Церквахъ, — а слѣдовательно, и во всей вселенской православной церкви, — въ свое время получилъ открытое или молчаливое формальное признаніе и доселѣ признается, какъ законное правительство русской Церкви. Мы хотимъ только изслѣдовать соотвѣтствіе самаго закона идеальнымъ требованіямъ каноническаго права. Всякій законъ, пока онъ остается закономъ, практически непререкаемъ („*durā lex, sed lex*“), и обязанность правителей и управляемыхъ — безусловно и добросовѣстно ему повиноваться; но этимъ нисколько не исключается научная и принципиально-юридическая критика закона и стремленія къ законной замѣнѣ его новымъ закономъ.

Для большей отчетливости и обстоятельности изслѣдованія, мы свой общій вопросъ считаемъ полезнымъ разложить на нѣсколько частныхъ. Намъ кажется, что вопросъ о каноническомъ достоинствѣ Петровской церковной реформы будетъ исчерпанъ, если мы съ канонической точки зрѣнія рассмотримъ:

- а) какъ она была произведена? и—
- б) какова она по самому своему существу?

Второй изъ этихъ вопросовъ допускаетъ дѣленіе на слѣдующіе два:

- а) каково достоинство созданнаго реформой церковнаго устройства по его *учредительнымъ актамъ*, т. е. по Регламенту и сопринадлежающимъ съ нимъ указамъ и постановленіямъ? и—
- б) каково оно по созданной Регламентомъ *практикѣ*?

Указанными тремя вопросами опредѣляется содержаніе трехъ главъ нашего изслѣдованія.

I.

Высшая церковно-законодательная власть *установленія правилъ* церковной жизни и устройства принадлежит *собору*. Такъ формулируютъ канонисты основной принципъ церковнаго законодательства ¹⁾. Это положеніе, представляющее собою обобщеніе довольно многихъ правилъ, принадлежащихъ разнымъ св. отцамъ ²⁾, прекрасно формулировано въ Кормчей книгѣ: „не отъ единого епископа, но обще епископомъ всѣмъ собравшимся изводятся правила“ ³⁾. Таковъ принципъ, всегда свято хранившійся православною Церковью, представлявшійся ей неразрывно связаннымъ съ самымъ понятіемъ о Церкви и выраженный ею въ символъ вѣры: „вѣрую во едину, святую, *соборную* и апостольскую церковь“. Такова была ея практика во всѣ вѣка ея существованія, за немногими печальными исключеніями, осужденными и самою Церковью и исторіей, какъ явленія ненормальныя, болѣзненныя, достойныя всяческаго порицанія. Вспомнимъ церковно-право—образующую дѣятельность соборовъ,—помѣстныхъ и вселенскихъ,—въ древней Церкви; напомнимъ о соборахъ русской Церкви до-Петровскаго времени—Владимірскомъ, Стоглавомъ, Большомъ Московскомъ и др. *Соборомъ-ли былъ составленъ и изданъ Духовный Регла-*

1) *Н. Заозерскій*, О священной и правительственной власти и о формахъ устройства прав. ц. 1891 г., стр. 260.

2) Напр., въ своемъ 47 правилѣ св. Василій Великій, изложивъ свое мнѣніе о способахъ принятія въ Церковь енкратитовъ и проч., высказалъ слѣдующее: „итакъ, аще угодно будетъ, то должно собраться множайшимъ епископомъ и тако положить правило“. Св. Григорій Нисскій въ 6 прав., признавая любостяжаніе видомъ идолослуженія, не рѣшилъ однако-же назначить за нею какой-либо епитиміи, потому что ея не назначили *отцы*, и ограничиваетъ врачеваніе этого грѣха лишь всенароднымъ словомъ обличенія: „поелику отцы наши не упомянули о семъ, то полагаемъ достаточнымъ врачевать сіе всенароднымъ словомъ ученія и недуги любостяжанія врачевать разсужденіемъ“. Св. Григорій Неокесарійскій въ 8 прав. также не рѣшается сказать рѣшительнаго сужденія и совѣтуетъ ожидать, „доколь чего-либо изволятъ, купно сошедшись, св. отцы и прежде ихъ Духъ Святыи“. Шестой вселенскій соборъ во 2 прав. повелѣваетъ быть твердыми и ненарушимыми правиламъ св. отецъ, изложеннымъ или принятымъ, или утвержденнымъ на соборахъ ихъ.

3) Кормч. кн. титлы правилъ, гл. 1, гр. 4. Цитатъ взяты изъ названной книги проф. Заозерскаго,—стр. 260.

ментъ, этотъ, какъ его называютъ ¹⁾), „учредительный актъ новой формы церковнаго правленія, полный организаціонный актъ духовнаго сословія“?—Нѣтъ! Онъ всецѣло обязанъ своимъ возникновеніемъ волѣ великаго преобразователя Россіи, и уже одно это обстоятельство сообщаетъ неизгладимую печать *неканоничности* всей реформѣ.

Задумавъ преобразовать строй церковнаго управленія, Петръ не созвалъ, подобно своему отцу и другимъ государямъ древней Руси, для такого важнаго дѣла собора. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи намѣренія царя относительно учрежденія духовной коллегіи пришлось быть Теофану Прокоповичу, тогда уже бывшему Псковскимъ епископомъ ²⁾). По порученію царя, для будущей духовной коллегіи Теофанъ Прокоповичъ долженъ былъ написать подробный уставъ, или регламентъ. Взятое дѣло быстро закипѣло въ рукахъ энергичнаго дѣятеля. Царь, какъ узнаемъ изъ анекдотовъ Нартова, и самъ свѣрнулся у Теофана о ходѣ работы по составленію Духовнаго Регламента. На одной пирушкѣ онъ спрашивалъ въ шутку у Псковскаго владыки; „скажитка, отче, скоро-ли нашъ патриархъ поспѣетъ“? И когда Теофанъ отвѣчалъ: „скоро, Государь, я дошиваю ему рясу“, то Его Величество, улыбнувшись, сказалъ: „а у меня шапка для него готова“. По свидѣтельству Теофана, трудъ составленія Духовнаго Регламента былъ оконченъ имъ въ началѣ 1720 года и представленъ царю, который приказалъ— „прочеть Регламентъ въ своемъ присутствіи и, перефлинувъ кое что небольшое и прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ“. Послѣ прочтенія и исправленія Духовнаго Регламента государемъ, присланъ былъ имъ слѣдующій собственноручный указъ оберъ-секретарю сената: „по полученіи сего (т. е. указа), объяви преосвященнымъ архіереомъ и господамъ сенату, дабы проэктъ духовной коллегіи, при семъ вложенный, завтра выслушали, такъ-ли оному быть,—и ежели что не такъ покажется, чтобъ ремарки поставили и на каждой ремаркѣ—экспликацію вины дѣла“. Согласно съ этимъ указомъ, 23 февраля 1720 года, какъ гласитъ приписка

¹⁾ Н. Кедровъ, Дух. Регл. въ связи съ преобразоват. дѣят. Петра Вел. 1836 г., стр. V.

²⁾ Тамъ-же, стр. 33.

въ концѣ Регламента, „Регламентъ слушали, и разсуждали, и исправляли преосвященные архіереи, архимандриты, купно же и правительствующіе сенаторы“. Изъ архіереевъ въ это время присутствовали въ сенатѣ шестеро, и три архимандрита. Но никто изъ слушавшихъ проектъ коллегіи никакой „ремарки и экспликаціи“ не представилъ. На другой день послѣ этого Петръ писалъ сенату: „понеже вчерась отъ васъ я слышалъ, что прозектъ духовной коллегіи, какъ архіереи, такъ и вы слушали и приняли всё за благо, того ради надлежитъ архіереомъ и вамъ оный подписать, который потомъ и я закрѣплю, а лучше-бъ два подписать и одинъ оставить здѣсь, а другой послать для подписи архіереомъ. Къ 1 мая, по именному царскому указу, велѣно было прибыть въ Москву для подписи Регламента архіереямъ: Ростовскому, Суздальскому и Коломенскому, а также патриаршей области Рязанской и степенныхъ монастырей архимандритамъ и игуменамъ. Для этой цѣли посланъ былъ въ Москву подполковникъ Давыдовъ съ Регламентомъ и указомъ сената къ Московскому вице-губернатору Воейкову и Златоустовскому архимандриту Антонію, которые, объявивъ Регламентъ, должны были предложить подписать его. Но изъ опасенія, вѣроятно, что такое предложеніе можетъ встрѣтить недоразумѣніе, въ указѣ найдено было нужнымъ добавить, что если кто сталь-бы уклоняться отъ подписанія, у того взять письменное объясненіе о причинѣ уклоненія. Послѣ того, когда было окончено подписаніе Регламента указанными лицами въ Москвѣ, 1 сентября того-же года данъ былъ Златоустовскому архимандриту новый указъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Давыдовымъ поѣхалъ въ Казань и Вологду, гдѣ должны архіереи Казанскій, Астраханскій, Вятскій, Холмогорскій и Устюжскій, а также архимандриты степенныхъ монастырей подписаться подъ Регламентомъ. Архимандритъ уклонился, впрочемъ, на этотъ разъ отъ возложеннаго на него порученія подъ предлогомъ невозможности отъѣхать изъ Москвы по случаю отправления имъ въ приказѣ „превеликихъ дѣлъ“ (раскольническихъ), и на его мѣсто назначенъ былъ Спасскаго монастыря въ Казани архимандритъ Іоаннъ Сальниковъ. Къ декабрю 1720 года подпись подъ Регламентомъ была уже совсѣмъ окончена и, повидимому, благополучно. Только, по свидѣтельству „Мо-

лотка на Камень вѣры“, мѣстоблюститель патріаршества „весьма противился и чрезъ долгое время подписать Духовный Регламентъ отрицался, отговариваясь немощами, иногда-же яко неяснымъ нѣкоторыхъ пунктовъ толкованіемъ“ 1).

Вслѣдъ за подписаніемъ Регламента, вызваны были въ С.-Петербургъ назначенныя для присутствія въ Духовной Коллегіи лица, которыя, „по учиненіи присяги, до приготовления свѣтлицъ“, т. е. до 14 февраля 1721 года, „въ Александровскомъ подворьѣ пребываніе имѣли“. Въ январѣ 25 числа изданъ былъ манифестъ царскій объ учрежденіи Духовной Коллегіи. Этотъ манифестъ, судя по его слогу и мыслямъ, принадлежитъ, вѣроятно, также перу автора Регламента. Февраля 9-го того-же года сенатъ особымъ указомъ далъ повсемѣстно знать, „дабы писать о чемъ надлежитъ къ святѣйшему правительствующему духовному Синоду доношеніями и патріаршія и архіерейскія вотчины соборами и правленіемъ вѣдать въ томъ-же Синодѣ“. Приблизительно около этого-же времени „Его Величество слушалъ сочиненнаго Духовнаго Регламента во второй разъ и апробовалъ оный, по которому учиненъ Духовный Синодъ, который того-же мѣсяца въ 14 день начало свое воспріялъ“. Объ этомъ „воспріятіи начала“ Святѣйшимъ Синодомъ на другой день, т. е. 15 февраля было помѣщено въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ слѣдующее извѣстіе: „сего февраля въ 14 день въ церкви живоначальныя Троицы на литургіи было народное собраніе великое, какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина, при которомъ и самъ его царское величество высокою своею особою присутствовать изволилъ, и предика была объ объявленіи начинающіяся Духовныя Коллегіи, которую чинилъ архіепископъ Псковскій. А по окончаніи оной служили молебень опредѣленныя быть въ той коллегіи особы“ 2).

Такъ возникъ Святѣйшій Синодъ. Въ православной Церкви это—явленіе совершенно небывалое, чтобы *государь*, а не *соборъ* іерарховъ производилъ церковную реформу. Рѣшивъ учредить Духовную Коллегію, Петръ и не подумалъ освѣдомиться о мнѣніяхъ русскихъ архіереевъ. Объ архіереяхъ онъ

1) Тамъ-же, стр. 36—38.

2) Тамъ-же, стр. 38—39.

вспомнилъ лишь тогда, когда пришло время имъ подписывать Регламентъ: „объяви преосвященнымъ архиреомъ“... Такимъ образомъ, тѣ, собору коихъ принадлежитъ верховная законодательная власть въ Церкви, были унижены до положенія лицъ съ правомъ только *совѣщательнаго* голоса: „ежели что не такъ покажется, тобъ ремарки показывали и на каждой ремаркѣ экспликацію вины дѣла“. Но и это право оставлено было за ними лишь для видимости. Петру необходимы были только ихъ *подписи*, чтобы придать Регламенту характеръ авторитетности въ глазахъ духовенства и тѣхъ изъ мірянъ, которые помнили традиціи древне-русскаго времени и знали правила св. Церкви, по которымъ всякое вмѣшательство свѣтской власти въ дѣло церковнаго законодательства самымъ настойчивымъ образомъ отстраняется¹⁾. И вотъ онъ посылаетъ *подполковника* Давыдова собрать подписи отъ архіереевъ. Что этотъ сборъ подписей сдѣланъ былъ не безъ насилія, нечего и доказывать: требованіе письменнаго объясненія, въ случаѣ уклоненія отъ подписи, равносильно угрозѣ *судомъ*. О свойствахъ суда въ Петровское время даетъ достаточное понятіе уже одно существованіе знаменитаго и страшнаго Преображенскаго приказа. А что и архіереевъ, въ случаѣ ихъ сопротивленія дѣлу Петровскихъ реформъ, не защищаль отъ привлеченія къ суду самый ихъ высокій санъ, показываютъ примѣры: *казни* Ростовскаго архіерея Досіея, *лишенія сана* Игнатія Тамбовскаго, *ссылки въ Сибирь* митрополита Крутицкаго Игнатія... Неудивительно, что подполковникъ Давыдовъ *per fas aut nefas* (пока для насъ это безразлично, и намъ важно лишь установить *въ принципѣ*, что согласіе архіереевъ *не было свободнымъ*) сумѣлъ собрать нужныя ему подписи. А продолжительныя, но неудачныя уклоненія отъ подписи самаго виднаго изъ архіереевъ, мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, который, если потомъ и подписался, то, очевидно, лишь уступая силѣ, показываютъ, что прочимъ, не столь важнымъ архіереемъ нечего было и думать объ уклоненіи. А почему Златоустовскій архимандритъ Антоній не поѣхалъ съ Давыдовымъ въ Казань и Вологду? Ужъ не потому-ли, что слишкомъ тяжелою для его нравственнаго чувства была возла-

1) *Бѣлогостицкій*. Журн. мин. нар. просв., 1892 г., кв. VI, стр. 265.

гаема на него миссія — вымогать подписи у архіереевъ и другихъ особъ духовнаго чина?...

Мы уже приводили мѣста изъ канонѡвъ Церкви, свидѣтельствующія о всецѣлой принадлежности законодательной власти ей самой. „Если церковь, говоритъ авторъ одного изслѣдованія объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ, есть законодательница, если исключительно ей принадлежитъ право создавать для своего общества извѣстныя нормы, то она только и можетъ измѣнять или отмѣнять ихъ, смотря по нуждамъ и обстоятельствамъ времени. Государственной-же власти, признающей извѣстную церковь господствующею въ государствѣ, очевидно, приходится только своимъ принятіемъ освящать тѣ нормы, которыя созданы церковью, а не издавать ихъ отъ себя. Церковь иногда и сама принимала въ составъ церковныхъ законовъ прямыя и положительныя постановленія гражданской власти, но только такія, которыя были согласны съ ея основными канонами и не противорѣчили ея духу, какъ, напримѣръ, поступилъ четвертый вселенскій соборъ, признавшій, какъ законы, рѣшенія императора Маркіана, чтобы духовныя лица не входили въ гражданскія дѣла, чтобы не брали на откупъ чужихъ имѣній и проч., чтобы монашествующіе не проживали внѣ монастырей, въ городахъ и друг.“¹⁾ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сама церковь обращалась къ государственной власти съ просьбою узаконить что-либо, какъ, напримѣръ, соборы Африканскіе въ своихъ опредѣленіяхъ часто выражаются: „подобаетъ просити благочестивѣйшихъ царей, да благоволятъ узаконити“ (Карѡ. 69. 70. 71. 74. 104)... Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ Церковь, очевидно, не лишается своей автономіи, а только требуетъ у государства содѣйствія для болѣе успѣшной своей дѣятельности. Иное дѣло, когда само государство совершенно произвольно навязываетъ церкви ненужныя ей нормы или стремится разрушить то, что прежде было создано церковью и получило на практикѣ законную силу. „Въ этомъ случаѣ,—справедливо говоритъ тотъ-же авторъ,—со стороны государства будетъ *посягательство на права*

¹⁾ *Срттенскій*, Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніи между церковью и государствомъ, стр. 57.—Ср. *прав. 3 IV вселен. соб.* (въ актахъ его).

церкви, равное насилію“¹⁾. Что введеніе Петровской реформы не подходит ни подъ одинъ изъ указанныхъ этимъ авторомъ видовъ законнаго участія гражданской власти въ образованіи церковнаго законодательства, это ясно само собою. *Никакой соборъ не узаконилъ* этой реформы. Равно также *никакой соборъ и не просилъ* Петра „узаконить“ такой-то и такой-то порядокъ. Остается, слѣдовательно, введеніе его реформы подвести подъ категорію „посягательства на права церкви“...

Намъ могутъ возразить, что подписи архіереевъ на Регламентѣ *замѣнили* соборное одобреніе его; а согласіе на реформу восточныхъ патріарховъ поднимаетъ значеніе Петровскаго дѣла до степени мѣропріятія, санкціонированнаго *вселенскимъ соборомъ*.

Но это возраженіе мы безъ труда можемъ опровергнуть на основаніи 47 правила св. Василія Великаго во второмъ его каноническомъ посланіи. „Должно собраться большему числу епископовъ, говорить св. отецъ, и такъ изложить правила, дабы и дѣйствующій былъ безопасенъ, и отвѣтствующій на вопросы имѣлъ достовѣрное основаніе для отвѣтовъ“. Здѣсь мы имѣемъ авторитетнѣйшее объясненіе причины, почему необходимъ соборъ, и почему его не могли замѣнить подписи архіереевъ съ „ремарками“ и „эксplikаціями“, въ случаѣ какихъ недоразумѣній. Соборъ былъ необходимъ, „дабы дѣйствующій былъ *безопасенъ*“. Въ самомъ дѣлѣ, на соборѣ каждый архіерей могъ проводить извѣстное постановленіе, не боясь никакой *личной* отвѣтственности или преслѣдованія. Авторъ регламента прекрасно понималъ это, когда писалъ въ защиту коллегіальнаго правленія: „*коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію, не тако бо, якоже единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится; понеже и причины проискивать на многихъ, а еще разностатейныхъ особъ, не тако удобно есть, яко на единаго челоувѣка*“²⁾. Спрашивается: почему-же этой прекрасной мысли Петръ не принялъ во вниманіе при самомъ учрежденіи Синода?—Очевидно, потому, что боялся собора

¹⁾ Тамъ-же, стр. 57—58.

²⁾ Регламентъ, ч. I, пунктъ 6,—въ Полномъ собраніи постановленій и распоряженій по Вѣд. Прав. Исп., т. I, № 1, стр. 4.

и не довѣрялъ ему. А когда у каждаго требуютъ отдѣльной подписи, а въ случаѣ недоумѣній „ремарки“ и „экспликаціи“, да „письменныя объясненія“,—тутъ едва-ли у кого найдется „свободнѣйшій духъ“, чтобы „гнѣва сильныхъ не бояться“...

Но возраженіе такимъ отвѣтомъ можетъ не удовлетвориться и, продолжая свою мысль, утверждать, будто если не доказано, что архіереевъ *принуждали* подписывать Регламентъ, что реформа совершена *вопреки* желаніямъ представителей православной церкви,—то и невозможно говорить, что подписи архіерейскія не замѣнили соборнаго опредѣленія. Но, во-первыхъ, намъ вовсе нѣтъ надобности доказывать, что архіереевъ *принуждали* подписываться; для нашего утвержденія *неканоничности* Петрова дѣянія достаточно показать, что согласіе архіереевъ *не могло быть свободнымъ*. Что никто не опротестовалъ Регламента ¹⁾, это еще ничего не доказываетъ. Нужно доказать, что согласіе архіереевъ *было* свободнымъ; а это—дѣло апологетовъ реформы. *Opus probandi* лежитъ на нихъ. Потому-то и нужно соблюденіе всѣхъ формальностей, созданныхъ канонической практикой церкви (въ данномъ случаѣ—одобреніе преобразования соборомъ), что этимъ навсегда устраняется *сомнѣніе въ законности* извѣстнаго постановленія. Во-вторыхъ, даже не настаивая на этомъ формальномъ преимуществѣ нашего положенія и соглашаясь вмѣстѣ съ нашими возможными противниками войти въ разсмотрѣніе того, какъ относились къ реформѣ архіереи, духовенство и вообще всѣ, кто могли имѣть голосъ въ рѣшеніи этого дѣла, мы все-таки не измѣнимъ своего приговора, потому что отношеніе это было отрицательное.

Но прежде чѣмъ описывать отношеніе къ реформѣ іерархій, считаемъ нелишнимъ отвѣтить еще на одно возможное возраженіе. Скажутъ, что соборное обсужденіе Регламента *было*, когда Петръ поручалъ „преосвященнымъ архіереомъ и господамъ сенату“ посылаемый къ нимъ проектъ Регламента „выслушать,—такъ-ли оному быть“, и на этомъ обсужденіи онъ былъ одобренъ, какъ открывается изъ письма Петра къ сенату: „вчера я отъ васъ слышалъ, что проектъ духовной коллегіи, какъ архіереи, такъ и вы слушали и приняли всѣ за благо“. Но по нашему мнѣнію, этого ни въ какомъ

1) За исключеніемъ, впрочемъ, Стефана Яворскаго.

случаѣ нельзя назвать соборнымъ обсужденіемъ. Прежде всего, здѣсь присутствовали только *шесть* архіереевъ,—число слишкомъ незначительное, чтобы счесть ихъ представителями всероссійскаго архіерейства. Затѣмъ, и здѣсь мы въ правѣ повторить свое подозрѣніе о несвободномъ одобреніи ими Регламента. Далѣе, весьма важное отличие этого обсуждения отъ соборнаго создается тѣмъ обстоятельствомъ, что никакихъ актовъ и протоколовъ отъ этого quasi—соборнаго засѣданія не осталось. Петръ пишетъ: „слышалъ я вчерась, что приняли всё за благо“; но такъ ли было на дѣлѣ, гдѣ тому ручательство?... Наконецъ, и еще одно обстоятельство,—какъ-бы мы въ принципѣ къ нему ни относились,—съ точки зрѣнія историческихъ традицій Церкви можетъ быть поставлено въ упрекъ Петру: обсужденіе и подписаніе Регламента „купно съ господами сенатомъ“ слишкомъ не похоже на соборную практику древней церкви, по которой свѣтскія лица самымъ настойчивымъ образомъ устранялись отъ участія въ соборныхъ разсужденіяхъ ¹⁾.

Переходимъ къ вопросу объ отношеніи іерархіи къ реформѣ. Вотъ какъ г. Бѣлогостицкій въ упомянутой своей статьѣ въ „Журналѣ мин. нар. просв.“ рисуетъ отношеніе къ св. Синоду русскаго духовенства. „Хотя по указу государя, говоритъ онъ, святѣйшій Синодъ долженъ былъ замѣнить патріарха, но въ глазахъ *большой части* (курсивъ нашъ) духовенства и народа Синодъ долгое время не имѣлъ такого значенія“ ²⁾. Между архіереями и новымъ учрежденіемъ возникали постоянно недоразумѣнія. Хотя въ Синодѣ епископы были обязаны писать доношеніями, какъ ему подчиненные, однако они позволяли себѣ писать къ нему вѣдѣніями, какъ равные ему, а это было уже „умаленіемъ синодальной чести“; иногда-же называли Синодъ „превосходительствомъ“ и т. п. Синодъ не могъ, конечно, равнодушно смотрѣть на подобное къ себѣ отношеніе своихъ подчиненныхъ и взыскивалъ съ нихъ за такія „продерзости“, разъясняя имъ свое значеніе и власть, требуя безпрекословнаго повиновенія себѣ, „понеже оный Синодъ имѣетъ честь.

¹⁾ Ср. *Н. Заозерскаго*, Историч. обзорѣніе источниковъ права православ. церкви. Вып. 1. 1891 г. Стр. 178—184.

²⁾ *Бѣлогостицкій*, Ж. мин. нар. просв., 1892 г., кн. VII, стр. 15.

силу и власть патриаршую или едва-ли не большую, понеже есть соборъ“¹⁾. Но и такія разъясненія мало дѣйствовали. Если такое отношеніе къ Синоду было нерѣдкимъ со стороны епископовъ, то оно еще чаще было среди низшаго духовенства, священниковъ и монаховъ. Священники не хотѣли поминать Синодъ на ектеніяхъ; монахи, іеромонахи и архимандриты то и дѣло ослушались, не принимали его указовъ и подчасъ произносили о немъ „поносительныя слова“.— „Что де за Синодъ? и какой Синодъ“? кричалъ въ 1724 году Троице-Сергіевскій іеромонахъ Викентій съ другими монахами... „Петръ—иконоборецъ“, кричалъ Левинъ со словъ будто-бы Стефана Яворскаго: „онъ принуждалъ митрополита быть Синодомъ, но тотъ стоялъ предъ нимъ на колѣнахъ и просилъ не быть Синодомъ“²⁾. Являлись подметныя письма и тетради въ монастыряхъ, въ которыхъ ругали Синодъ и восхваляли патриаршество, хотя, по словамъ Теофана Прокоповича, похвалы патриаршеству писались столь „скудно и студено, что сами святѣйшіе патриархи въ награжденіе такой похвалы осудили-бы тѣхъ писателей на шелены, плети и вѣчную ссылку“. Недовольство новою формою церковнаго правленія было такъ велико, что при Петрѣ II, когда власть находилась въ рукахъ приверженцевъ стараго порядка вещей, въ рукахъ князей Долгорукихъ, недалеко уже было отъ осуществленія мысли—уничтожить Синодъ и возстановить патриаршество; были намѣчены даже и кандидаты на послѣднее: одни указывали на Теофилакта Лопатинскаго, другіе говорили, что „Ростовскій архіерей (Георгій) на патриаршество вѣдетъ на лошадахъ“³⁾.

Недовольныхъ учрежденіемъ Синода были цѣлыя массы: по словамъ Чистовича, „вездѣ слышенъ былъ ропотъ, и появлялись подметныя печатныя письма, которыми выводилось изъ пророчествъ, что родился антихристъ, и народъ возбуждаемъ былъ къ бунту противъ государя“⁴⁾. Ропотъ

1) Тамъ-же. Это разъясненіе буквально взято изъ Регламента, и если оно всетаки оказывалось недѣйствительнымъ, то это довольно ясно показываетъ, какъ архіереи смотрѣли на самый Регламентъ.

2) Тамъ-же, стр. 16.

3) Тамъ-же.

4) Чистовичъ, Теофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 59 (цитата взята у Бл. логотичаго).

недовольныхъ доходилъ до Синода, и онъ предпринималъ съ своей стороны мѣры къ прекращенію этого недовольства. Теофанъ Прокоповичъ пишетъ оправдательныя статьи въ видѣ трактатовъ, въ которыхъ старается представить возраженія на обвиненія и разрѣшить недоумѣнія ¹⁾). Насколько наше духовенство и общество не мирились съ отмѣною патріаршества, показываютъ волненія, происшедшія изъ-за прекращенія возношенія имени патріаршаго въ церковныхъ молитвахъ. Для успокоенія народа, Синодъ печатаетъ „нарочитое извѣстіе“ въ количествѣ 1000 экземпляровъ. Но трудно представить себѣ, чтобы оно могло достигнуть желанной цѣли, если среди самыхъ членовъ Синода произошли разногласія: одни стояли за отмѣну возношенія патріаршаго имени на богослуженіи; другіе, во главѣ которыхъ былъ Стефанъ Яворскій, — президентъ Синода, — были противъ. Стефанъ Яворскій 9 іюня 1721 года подалъ собственноручно писанное имъ изложеніе своихъ мыслей, которое называлось у него „Вопросо-отвѣтами“. Но этотъ смѣлый и убѣжденный протестъ своего президента святѣйшій Синодъ нашелъ несправедливымъ и возмутительнымъ. „Вопросо-отвѣты“ его, „яко не важныя и не крѣпкія“, не были напечатаны. Самому Стефану Яворскому, ихъ автору, посланъ былъ указъ, которымъ, подъ угрозою строгаго наказанія, запрещалось ему показывать свои вопросо-отвѣты кому-бы то ни было ²⁾).

Какъ видимъ, настроеніе русской Церкви было вовсе не въ пользу реформы. Слѣдовательно, отъ дѣлаемаго нами упрека въ совершенной неканоничности не спасаетъ ее и изслѣдованіе мнѣній русской іерархіи.

Ссылка на одобреніе святѣйшаго Синода восточными патріархами, — имѣя значеніе для насъ при сужденіи о законности синодальныхъ распоряженій и дѣйствій (см. выше, введ.), — въ вопросѣ о каноничности самаго учрежденія и проведенія въ жизнь синодальнаго устройства русской церкви также не можетъ имѣть значенія, потому что, во-первыхъ, одобреніе это было неохотнымъ, что открывается изъ крайней медлительности патріарховъ въ присылкѣ своихъ грамотъ (чрезъ два года по учрежденіи Синода), а во-вторыхъ,

¹⁾ *Бѣлогостицкій*. Журн. мин. нар. проsv., 1892, VII, стр. 17.

²⁾ Тамъ-же, 17—18.

и не всё патриархи прислали такое одобрение. Только два патриарха—Константинопольскій и Антиохійскій—прислали св. Синоду свои грамоты, въ которыхъ называли его „братомъ возлюбленнымъ и превожделѣннымъ“; остальные-же весьма тенденціозно промолчали на посланное къ нимъ Петромъ извѣщеніе.

Такимъ образомъ, существующая нынѣ у насъ форма церковнаго управленія *введена была безъ соблюденія необходимыхъ каноническихъ условій.*

II.

Чтобы опредѣлить каноническое достоинство извѣстной системы церковнаго управленія, надо рассмотреть, во-первыхъ, ея *основанія*, во-вторыхъ ея *внутренній характеръ* и, въ-третьихъ, характеръ создаваемыхъ ею *отношеній между церковью и государствомъ.* Съ этихъ трехъ сторонъ мы и попытаемся представить оцѣнку созданнаго Петровской реформой церковнаго устройства, какъ оно изображено въ учредительныхъ актахъ этой новой формы нашего церковнаго правленія ¹⁾.

A.

Для опредѣленія основаній введенной Петромъ I системы церковнаго управленія, прежде всего можетъ служить то ея самооправданіе, какое дается въ первой части Духовнаго Регламента. Въ этомъ самооправданіи довольно отчетливо выступаютъ два элемента: указаніе недостатковъ прежней системы и перечисленіе преимуществъ новой. Имѣютъ-ли тѣ и другія указанія съ канонической точки зрѣнія какую-либо цѣну и могутъ-ли быть признаны достаточными основаніями той системы, къ оправданію которой предназначаются?

„Предлагаются здѣь важныя вины, которыя показываютъ, что сіе правленіе совершеннѣйшее есть и лучшее, нежели единолич-

¹⁾ Этими учредительными актами мы считаемъ: Именной указъ императора Петра I объ учрежденіи Духовной Коллеги съ приложенною къ нему присягою членамъ коллеги; Духовный Регламентъ съ прибавленіями къ нему;—и указъ 11 мая 1722 года о назначеніи въ Синодъ оберъ-прокурора, съ инструкціею этому послѣднему.

ное правительство, *наипаче-же въ государствѣ монаршескомъ, якое есть наше Россійское*“¹⁾. Такъ начинается авторъ изложеніе основаній новой системы. Послѣднія слова весьма ясно обозначаютъ точку зрѣнія, на которой онъ стоитъ. Эта точка зрѣнія—*государственная*, а не *каноническая*: достоинство системы опредѣляется ея удобствомъ для государства извѣстнаго строя. Едва-ли можно одобрить такую точку зрѣнія: желательнѣе было-бы видѣть *чисто-каноническія* основанія, приведенныя и раскрытыя безъ нарочитаго соображенія съ такимъ или инымъ характеромъ *гражданскаго* законодательства. „Собственно церковное право, говоритъ проф. Заозерскій,—*jus canonіcum*,—есть неизмѣнная принадлежность церкви, постулять ея земного существованія. Чѣмъ обособленнѣе отъ *jus civile* истолковывается оно, тѣмъ лучше. Толкованіе его, совершающееся подъ вліяніемъ юридическихъ доктринъ, обезличеніе его, сглаживаніе его родовыхъ и индивидуальныхъ свойствъ и формъ намѣреніемъ сблизить съ свойствами и формами дѣйствующаго гражданскаго права, вмѣсто гармоніи между церковью и государствомъ, приведетъ къ взаимному извращенію существа и той и другого и, вмѣсто усиленія благотворнаго вліянія Церкви на государство и нравы подданныхъ, совѣмъ парализуетъ силу ея... Нѣтъ, не на служеніе *государствамъ* создана Церковь Христова, а на благо *человѣческаго рода*, не въ тѣсныя національныя или политическія предѣлы заключена она, а назначена дѣйствовать тутъ и тамъ, въ государствахъ и народахъ“²⁾. Если-бы авторъ Регламента желалъ стоять на строго канонической точкѣ зрѣнія, онъ не былъ бы озабоченъ тѣмъ, чтобы проектируемая имъ система оказывалась наилучшею—*наипаче въ государствѣ монаршескомъ, якое есть наше Россійское*“. Вѣрное каноническимъ принципамъ церковное устройство окажется удобнымъ во всякомъ государствѣ, потому что церковь, какъ царство „не отъ міра сего“, по самому своему существу неспособна производить какія-либо пертурбаціи въ строѣ земныхъ царствъ. А та национальная окраска, которую нерѣдко и вполнѣ естественно

¹⁾ Полное собраніе постановленій и распоряженій повѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. 1869 г. т. I, стр. 1.

²⁾ Заозерскій, Право правосл. греко-вост. церкви, стр. 63.

принимаетъ устройство различныхъ помѣстныхъ церквей, пріобрѣтается вовсе не цѣною уступокъ со стороны церкви, а является лишь нѣкоторымъ *придаткомъ* къ ея учрежденіямъ ¹⁾.

Но перейдемъ къ разбору самыхъ „винъ“. Онѣ изложены въ девяти пунктахъ.

Пунктъ 1-й гласитъ: „*Во первыхъ бо извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ*“ ²⁾. Положеніе это совершенно справедливо и дѣйствительно представляетъ собою основной принципъ каноническаго устройства церкви ³⁾. Но то употребленіе, какое изъ него дѣлаетъ авторъ Регламента, и тѣ доказательства, какими онъ его подтверждаетъ, совершенно лишаютъ его всякаго каноническаго значенія.

Авторъ хочетъ на этомъ положеніи обосновать законность отмѣны патріаршества. Но такой выводъ изъ этого положенія слѣдовалъ-бы лишь въ томъ случаѣ, если-бы съ патріаршамъ правленіемъ необходимо соединялось требованіе, чтобы „истина взыскивалась единымъ лицомъ“. Авторъ это, повидимому, и склоненъ допускать; но такое представленіе дѣла лишь обнаруживаетъ въ немъ незнаніе основныхъ началъ, опредѣляющихъ каноническое устройство всякой помѣстной церкви, къ какому-бы типу это устройство ни принадлежало. Что касается патріаршества въ смыслѣ *единоличнаго* церковнаго правительства, то каноны церковныя *совершенно не знаютъ* такой формы управленія. То самое начало *соборности*, которое, повидимому, старается отстоять авторъ, и служить характерною чертою для окружнаго управленія въ цѣлой помѣстной церкви. Патріаршество-же характеризуетъ собою лишь *одинъ изъ типовъ* этой соборности. Канонисты различаютъ разныя формы соборнаго устройства, разнообразящіяся въ зависимости отъ національныхъ и государственныхъ отношеній. Таковы: синодально-приматская, синодально-митрополитская, синодально-экзаршеская и синодально-патріаршеская. И дѣйствительно, патріаршеская форма

¹⁾ Тамъ-же, стр. 65 и слѣд.

²⁾ П. с. п. и р., т. 1, стр. 3.

³⁾ Ср. Апост. прав. 74; II всел. соб. прав. 6; I всел. соб. прав. 4; Ант. пр. 19; I всел. прав. 5; IV всел. пр. 17; Карѣ. прав. 111 и 112; VI всел. пр. 25; Карѣ. 35 и др.

правленія необходимо предполагаетъ при патріархѣ, какъ верховномъ руководителѣ,—соборъ, какъ высшій правительственный органъ. При греческихъ патріархахъ постоянно дѣйствовалъ такъ называемый *σβροδος ἐνδημοῦσα*, а въ нужныхъ случаяхъ созывался *помѣстный соборъ*. Первый, являясь,—по словамъ цитированнаго уже нами канониста,—„исполнительнымъ органомъ или комитетомъ, уполномоченнымъ приводить въ исполненіе высшую волю помѣстной церкви, во всей полнотѣ открывающуюся лишь въ полномъ ея соборѣ“ ¹⁾, и могъ-бы вполне удовлетворить тому прекрасному требованію, какое заявляетъ Духовный Регламентъ, чтобы „истина взыскивалась соборнымъ сословіемъ“.

Выраженное въ первомъ пунктѣ положеніе, какъ мы сказали, авторъ Регламента подтверждаетъ соображеніями, во все не имѣющими цѣнности съ канонической точки зрѣнія. Такъ онъ приводитъ „древнее пословіе греческое: „*другіе помыслы мудрѣйшіе суть паче первыхъ*““ и затѣмъ слѣдующее соображеніе „отъ разума“ (употребляемъ терминъ старинныхъ семинарскихъ хриі): „случается, что въ нѣкоей трудности усмотритъ тое человекъ простой, чего не усмотритъ книжный и остроумный; то какъ не нужно есть соборное правительство, въ которомъ предложенную нужду разбираютъ умы многіе, и что одинъ не постигнетъ, то постигнетъ другій, а чего не увидитъ сей, то онъ увидитъ; и тако вещь сумнительная и извѣстнѣе и скорѣе объяснится, и каковаго требуетъ опредѣленія,—не трудно покажется“ ²⁾. Едва-ли подобный способъ аргументаціи приличествуетъ каноническому акту, каковымъ претендуетъ быть Регламентъ, особенно — послѣ сдѣланнаго въ самомъ началѣ заявленія, что „управленія основаніе есть законъ Божій, въ Священномъ Писаніи предложенный, такоже Каноны или Правила соборныя святыхъ отецъ“ ³⁾. Почему-бы, спрашивается, вмѣсто „пословія греческаго“ не привести какого-либо свидѣтельства изъ Священнаго Писанія или каноновъ? Соображенія-же отъ разума, не имѣя канонической цѣнности несостоятельны и сами по себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если ихъ взять въ безу-

¹⁾ Заозерскій, О свящ. и прав. вл., стр. 289.

²⁾ II. с. п., т. I, стр. 3—4.

³⁾ Тамъ же, стр. 3.

словномъ значеніи, то на основаніи ихъ можно отрицать законность не только патріаршества, но и монархическаго правленія въ государствѣ Россійскомъ, что едва-ли входило въ планы Теофана..

2-ой пунктъ читается: „А яко извѣстіе въ познаніи, тако и сила въ опредѣленіи дѣла большая здѣ есть, понеже явцише къ утврєнію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличныи указъ“ ¹⁾. Натянутость этого соображенія въ примѣненіи къ разбираемому вопросу—совершенно очевидна. Кто-же станетъ спорить, что церковная власть сильнѣе, когда во главѣ правленія стоитъ патріархъ? Извѣстно, что безличная власть разныхъ комитетовъ, съѣздовъ ит. п., не подкрѣпляемая сильною исполнительною властью, всегда вынуждена бываетъ считаться съ разною „волокиitou“ въ исполненіи ея постановленій. Да и самъ Теофанъ, очевидно, признаетъ, что патріаршая власть сильнѣе синодальной, когда въ 7-омъ пунктѣ утверждаетъ, что она опаснѣе для государства, нежели власть Синода.

Любопытно доказательство, какимъ онъ подтверждаетъ этотъ свой тезисъ. „Монарховъ власть, говоритъ онъ, есть самодержавная, которымъ повиноватися Самъ Богъ за советъ повелѣваетъ; обаче советниковъ своихъ имѣютъ, не токмо ради лучшаго истины взысканія, но дабы и не клеветали непокоривые, что се или оно силою паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истинною, заповѣдуетъ монархъ: то колыми паче въ церковномъ правленіи, гдѣ правительство не монаршеское есть, и правителемъ заповѣдуются, да не господствуютъ клиру, гдѣ еще единъ что уставляетъ, могутъ противницы единымъ лица его оклеветаніемъ силу установленію его отъяти, чего не такъ возмогутъ, гдѣ отъ соборнаго сословія опредѣленіе происходитъ“ ²⁾. Здѣсь путемъ сравненія церковнаго управленія съ государственнымъ авторъ самъ опровергаетъ свою мысль о необходимости отмѣны патріаршества. Если при монаршескомъ правленіи для большей авторитетности и непререкаемости издаваемыхъ верховною властью повелѣній будто-бы необходимо только, чтобы при монархѣ былъ советъ, а вовсе не требуется упраздненіе самой монархической власти, то почему-же авторъ не считаетъ достаточ-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же, стр. 4.

нымъ и при патриархѣ учредить совѣтъ (ср. выше о *ὀρθόδοξοῦς*)? Онъ ссылается на то, что въ церковномъ правленіи „правительство не монаршеское есть“, и отсюда дѣлаетъ выводъ, что здѣсь „кольми паче“ требуется коллективное правленіе. Странное разсужденіе! Если церковное правленіе существенно *отлично* отъ государственнаго, то, очевидно, никакія аналогіи между ними что-либо доказывать не могутъ. Если-же авторъ желаетъ настаивать на ихъ *аналогичности*, то долженъ и аналогичныя средства рекомендовать для предотвращения упрековъ въ самовластіи. Такимъ образомъ, какъ заключеніе по аналогіи, это доказательство надо признать несостоятельнымъ.

Можно, впрочемъ, это доказательство разсматривать, не какъ прямую аналогію, а какъ *argumentatio a fortiori*, на что, пожалуй, и уполномочиваетъ выраженіе „кольми паче“. Но въ подобнаго рода доказательствахъ, по требованію логики, *качественнаго различія* между сравниваемыми предметами не допускается, а только утверждается, что данный предметъ, — въ силу болѣе и совершеннѣйшей опредѣленности своихъ свойствъ, сходныхъ у него съ свойствами другого предмета, — долженъ въ болѣе степени обладать извѣстнымъ признакомъ, который въ послѣднемъ предметѣ опредѣлился недостаточно или существуетъ только въ видѣ тенденціи. Но если мы станемъ это доказательство Теофана о необходимости коллегіальнаго правленія въ церкви и отмѣны патриаршества разсматривать, какъ расположенное по такой схемѣ, то выйдетъ, что и государственное правленіе лишь въ силу своего несовершенства можетъ оставаться монархическимъ, а въ своемъ идеальномъ видѣ имѣетъ тенденцію стать соборнымъ (парламентарнымъ?) и освободиться отъ чистаго монархизма. А такая мысль въ произведеніи челоуѣка, бывшаго самымъ приближеннымъ совѣтникомъ величайшаго изъ русскихъ *самодержцевъ*, есть нѣчто рѣшительно ни съ чѣмъ несообразное. Приходится автору Регламента сдѣлать упрекъ въ непониманіи самыхъ коренныхъ основъ того *государственнаго права* (русскаго), въ интересахъ котораго онъ работалъ ¹⁾. Припоминая-же, что по по-

¹⁾ Отъ этого упрека онъ не будетъ свободенъ и въ томъ случаѣ, если приводимое имъ доказательство для высказаннаго во 2 пунктѣ тезиса и

воду 1-го пункта былъ высказанъ ему упрекъ въ непониманіи основъ каноническаго права, приходится только пожалѣть, что актъ такой великой государственной и церковной важности имѣлъ столь неподходящаго автора.

Въ 3-емъ пунктѣ читаемъ: „*Св-же наипаче сильно есть, когда коллегіумъ правительское подѣ державнымъ монархомъ есть и отъ монарха уставлено. Явѣ-бѣ здѣ, что коллегіумъ не есть нѣкая факція, тайнымъ и на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но на добро общее, повелѣніемъ самодержца и егожь съ прочими разсмотрѣніемъ, собранныя лица*“¹⁾. Этотъ пунктъ составленъ всецѣло съ точки зрѣнія государственной пользы. Что касается выраженной въ немъ мысли, то она—справедлива: когда высшій правительственный органъ въ церкви дѣлается *государственнымъ* учрежденіемъ, которое „подѣ державнымъ монархомъ есть и отъ монарха уставлено“, то оно дѣйствительно дѣлается, говоря словами Петровскаго указа объ учрежденіи Синода, „важнымъ и сильнымъ правительствомъ“. Но несомнѣнно также, что при этомъ — 1) церковная власть теряетъ свой специфическій характеръ, *омир-*

не рассматривать, какъ *argumentatio a fortiori*. *Прѣтотъ ψεῖδος* Теофана, неизбежно навлекающій на него названный упрекъ, состоитъ въ ошибочномъ утвержденіи, будто русскій Государь „совѣтниковъ своихъ имѣеть не токмо ради лучшаго истины взысканія, но дабы и не клеветали непокоривые челоувѣды, что се или оно силою паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истиною заповѣдуетъ монархъ“. Это въ странахъ съ парламентарнымъ правленіемъ король или императоръ дѣйствительно по такимъ побужденіямъ обязывается править лишь по законамъ, прошедшимъ чрезъ парламентъ. Въ Россіи же государственный совѣтъ не принимаетъ никакого участія въ *законодательствѣ*;—его роль *законосовѣтательная*. „Его миссія, говоритъ Романовичъ-Славатинскій, просто-напросто ограничивается подачей совѣта монарху, который *воленъ принять его или отвергнуть, поступивъ по собственному благоусмотрѣнію*“ (*Романовичъ-Славатинскій*, Система русскаго государственнаго права, ч. I: основныя государств. законы. 1886, стр. 184 ср. 182—183). Известно, какъ составленная Сперанскимъ форма для издаваемыхъ законовъ, по которой они издавались въ видѣ манифестовъ: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, постановляемъ или учреждаемъ“,—была признана несоотвѣтствующей основамъ русскаго государственнаго устройства, и съ 15 апрѣля 1842 года мнѣніе государственнаго совѣта стало *легально не обязательнымъ* для Государя (тамъ-же, стр. 183, примѣч.).

1) П. с. п. и р., т. I, стр. 4.

щается ¹⁾, и — 2) сама Церковь терпитъ униженіе, порабо- щается свѣтскому правительству, что представляется, съ канонической точки зрѣнія, вопіющей несправедливостью. Характерно здѣсь также и то, что Церкви гражданское пра- вительство не хочетъ довѣрять, опасается ея и считаетъ нужнымъ подчинить своему контролю, какъ какое-нибудь акціонерное общество или другую ассоціацію, могущую, подъ благовиднымъ предлогомъ, заниматься революціонной про- пагандой. Хорошее отношеніе со стороны правительства, при- знающаго себя *христіанскимъ* и называющаго Церковь своею *Матерью!*...

Въ 4-мъ пунктѣ говорится: *„Еще-же и се важное есть, что въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣль продолженіе и остановка за случающимися правителю необходимыми нуж- дами и за недугомъ и болѣзнію, а когда въ живыхъ не станетъ его, то и паче престаются дѣла. Инако въ правленіи собор- номъ: не присутствующу единому, аще-бы и первѣйшему лицу, дѣйствуютъ другіе, и дѣло идетъ непресткомымъ теченіемъ“* ²⁾. Этотъ доводъ имѣль-бы свою цѣну въ вопросѣ объ устрой- ствѣ какой-либо канцеляріи; но въ разсужденіи о церковномъ устройствѣ встрѣчатъ его какъ-то странно. Мы не хотимъ, конечно, сказать, чтобы исправность и „непресткомое тече- ніе“ въ церковныхъ дѣлахъ были нежелательными: напротивъ, это—вещь прекрасная; но ужь слишкомъ далека этотъ до- водъ отъ того, что съ канонической точки зрѣнія могло-бы быть названо хорошимъ доказательствомъ. Да, притомъ-же, и слишкомъ онъ недостаточенъ самъ по себѣ: вѣдь не про- исходитъ-же остановка и замедленіе въ государственныхъ дѣлахъ за случающимися монарху „необходимыми нуждами и болѣзнію“.

Въ 5-омъ пунктѣ авторъ утверждаетъ, что въ коллегіи *„не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду“* ³⁾. Это—мысль вѣрная, и доказательствами она обстав-

¹⁾ Этотъ специфическій характеръ опредѣляется чрезъ прямое про- тивоположеніе власти гражданской. Классическимъ разъясненіемъ этого положенія считаются слова Спасителя: *„царіе языкъ господствуютъ ими, и обладающіи ими благодѣтели нарицаются. Вы-же не тако: но болій въ васъ да будетъ яко мній: и старѣй яко служай“* (Лук. 22, 25—26).

²⁾ П. с. п., т. I, стр. 4.

³⁾ Тамъ же.

лена достаточными ¹⁾. Но высказанное здѣсь требованіе вполне удовлетворяется и при той *синодально-патріаршеской* формѣ церковнаго управленія, о которой мы упоминали по поводу перваго пункта.

Весьма интересенъ 6-ой пунктъ по своей мотивировкѣ. „И се тому же подобно, читаемъ въ этомъ пунктѣ, что коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію, не тако-бо, якоже единоличныи правитель гнѣва чильныхъ боится; понеже и причины проискивать на многихъ, а еще разнотайныхъ особъ, не тако удобно есть, яко на единого человека“ ²⁾. Какъ мы видѣли, авторъ въ 3-емъ пунктѣ, указывая на полнѣйшую зависимость проектируемой имъ духовной коллегіи отъ самодержавнаго монарха, говоритъ, что, — въ силу этой зависимости, — высшій правительственный церковный органъ не будетъ представлять никакой опасности для государства. Подобныя-же указанія дѣлаются и ниже, въ 7-омъ пунктѣ. Спрашивается: какъ-же, при такой зависимости, эта коллегія можетъ имѣть въ себѣ „свободнѣйшій духъ“, чтобы не бояться разныхъ „сильныхъ“ изъ гражданскаго вѣдомства, — представителей высшей государственной власти? Ясно, что этотъ пунктъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ общимъ духомъ Петровской реформы, всецѣло проникнутой стремленіемъ ограничить церковную власть, — лишить „свободнѣйшаго духа“ ея представителей. А если мы еще примемъ во вниманіе, что, по изысканіямъ проф. Каптерева, однимъ изъ важныхъ мотивовъ реформы было желаніе сдѣлать впередъ невозможнымъ существованіе въ Россіи такъ называемыхъ „свободныхъ архіереевъ“, то неискренность приведенныхъ въ настоящемъ пунктѣ соображеній будетъ вѣтъ всякаго сомнѣнія ³⁾. Мы не хотимъ сказать, что эти соображе-

¹⁾ См. ихъ тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Чтобы ясно представить себѣ, что такое были „свободные архіереи“, надо обратиться къ упомянутымъ статьямъ проф. Н. О. Каптерева въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1892 годъ. Вотъ какъ изображаетъ проф. Каптеревъ отношеніе русскихъ архіереевъ 17-го вѣка къ подвѣятымъ патріархомъ Никономъ церковнымъ вопросамъ и ихъ участіе въ его дѣлѣ. „Нужно признать, какъ несомнѣнный фактъ, говорятъ онъ, что русскіе архіереи очень враждебно относились къ патріарху Никону, считая себя подавленными и принижеными во время патріаршества Никона, совершенно будто бы ихъ поработившаго и поправшаго ихъ права. Они на

нія несостоятельны сами по себѣ. Напротивъ, они совершенно справедливы, поскольку выражаютъ ту мысль, что

дѣялись и хлопотали предъ царемъ о томъ, чтобы послѣ низверженія Никона, въ отношеніяхъ будущаго патріарха къ другимъ епископамъ, былъ болѣе твердо и рѣшительно выраженъ тотъ поправный Никономъ принципъ, что „первый епископъ не начальникъ епископамъ, ни крайній святитель“, что „святительскій санъ единъ есть, и также на всѣхъ благодать“, и что потому „все святители равни“ (Бог. Вѣств. 1892 г. кн. VIII, стр. 182). Но если для епархіальныхъ архіереевъ Никонъ, по своимъ отношеніямъ къ нимъ, былъ крайне нежелательный патріархъ, и съ его низверженіемъ они рассчитывали достигнуть большей самостоятельности и независимости въ управленіи своими епархіями, большей силы и вліянія на общецерковныя дѣла, отъ которыхъ будто-бы совсѣмъ ихъ отстранилъ Никонъ, не терпѣвшій никакихъ совѣтовъ и указавій со стороны своихъ собратій о Св. Духѣ, зато открыто высказанное Никономъ ученіе, что священство выше царства, что свѣтская власть вовсе не должна вмѣшиваться въ дѣла церковныя, а слѣдовательно — и епархіальныя, что надъ духовными властями она не имѣетъ никакихъ верховныхъ правъ,—эти воззрѣнія Никона какъ нельзя болѣе пришлись по душѣ всѣмъ русскимъ архіереямъ, которые рѣшительно и горячо стали въ этомъ отношеніи на сторону не любимаго ими Никона, проработителя архіереевъ. Свергнуть Никона и въ то же время доставить торжество его идеямъ, что священство выше царства, это-бы значило для нихъ—разомъ освободиться не только отъ подавляющаго ихъ значенія патріаршей власти, которой въ лицѣ Никона давъ былъ хорошій урокъ, но и отъ вмѣшательства въ ихъ епархіальныя дѣла свѣтской власти, которая, не менѣе патріаршей, очень сильно давала себя чувствовать каждому архіерею (тамъ-же, стр. 183). И дѣйствительно, подъ вліяніемъ идей Никона, появляются тогда такъ называемые „свободные архіереи“, которые говорили: „мы-де суду царскому не подлежимъ“, которые въ своихъ епархіяхъ стали ставить архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ „самовольствомъ, хто имъ годець, безъ указа великаго государя“ (тамъ-же, стр. 185). Въ виду того, что всѣ русскіе архіереи по вопросу объ отношеніи царства къ священству весьма рѣшительно стали на сторону заявленныхъ Никономъ воззрѣній, положеніе дѣлъ становилось настолько серьезнымъ, что со стороны свѣтскаго правительства необходимо требовалось предпринять что-либо рѣшительное, если только оно хотѣло остановить дальнѣйшее распространеніе идей Никона и дальнѣйшее возникновеніе „свободныхъ архіереевъ“, заявлявшихъ, что они не признаютъ надъ собою царскаго суда и не желаютъ допускать свѣтскую власть до вмѣшательства въ ихъ епархіальныя дѣла. Очевидно, что свѣтскому правительству необходимо было противопоставить воззрѣніямъ Никона на царство и священство воззрѣнія противоположныя, но притомъ такъ, чтобы они заявлены были тоже духовными властями, только болѣе авторитетными, чѣмъ Никонъ и русскіе архіереи. Съ этою именно цѣлью свѣтское правительство обратилось на востокъ къ четыремъ восточнымъ

боротся съ собраніемъ труднѣе, чѣмъ съ однимъ лицомъ; и Церковная власть,—если-бы она была представлена не од-

патріархамъ съ просьбою, чтобы они рѣшили предложенные имъ вопросы о власти царской и патріаршей (тамъ-же, стр. 186). Патріархи дали отвѣтъ въ духѣ совершенно противоположномъ воззрѣніямъ Никона (самыхъ отвѣтовъ мы не приводимъ;—см. ихъ въ цитиров. статьѣ, стр. 186—188). Насколько привезенный отвѣтъ былъ пріятенъ для свѣтской власти, настолько онъ былъ непріятенъ для властей духовныхъ. „Свободные архіереи“, льстившіе было себя надеждою стать въ независимыя отношенія къ свѣтской власти, думавшіе было освободиться отъ крайне непріятнаго и очень стѣснительнаго для нихъ вмѣшательства ея въ ихъ епархіальныя дѣла, должны были окончательно разочароваться въ своихъ надеждахъ. Благодаря отвѣтамъ восточныхъ патріарховъ, они еще крѣпче и рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, подчинялись свѣтской власти, которая, опираясь на эти отвѣты, могла теперь распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь ничѣмъ, такъ-какъ всякое повелѣніе свѣтской власти и для архіереевъ „законъ есть“ (тамъ-же, стр. 188). Понятно само собою, что русскіе архіереи не могли согласиться съ предложеннымъ восточными патріархами рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, съ рѣшеніемъ, отдававшимъ архіереевъ въ безусловное распоряженіе свѣтской власти. Естественно было съ ихъ стороны попытаться снова подвергнуть этотъ вопросъ обсужденію, въ видахъ добиться болѣе благоприятнаго для нихъ его рѣшенія. Это они и рѣшили сдѣлать на соборѣ 1667 года, куда пріѣхали и два восточныхъ патріарха (тамъ-же). Мы не будемъ здѣсь излагать разсужденій и преній, имѣвшихъ мѣсто на этомъ соборѣ;—интересныя подробности на этотъ счетъ желающіе найдутъ въ цитируемыхъ статьяхъ проф. Каптерева,—стр. 189—190 и кн. X, стр. 46—60. 71. 67—68. Скажемъ только, что благодаря дружнымъ усиліямъ, смѣлости и энергіи русскихъ архіереевъ, соборъ принужденъ былъ постановить, что царь самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ церковныхъ, и что ни одинъ изъ нихъ не долженъ вмѣшиваться въ область вѣдѣнія другого. Такимъ образомъ, состоявшимся соборнымъ рѣшеніемъ Церковь была признана самостоятельною и независимою (тамъ-же, стр. 68). Обращаясь теперь къ Петровской реформѣ, проф. Каптеревъ утверждаетъ, что Петръ Великій хорошо зналъ этотъ эпизодъ изъ церковной исторіи 17 вѣка, и что на него намекалъ составитель Духовнаго Регламента словами: „да не вспомнятся подобные и у насъ бывшіе замахи“. Далѣе Духовный Регламентъ,—опять съ явными намеками на дѣло Никона,—говоритъ, что „единъ самовластный пастырь“, т. е. патріархъ, можетъ не захотѣть „отъ подручныхъ себя епископовъ судитися, аще-бы къ тому и принужденъ былъ“ (а Никонъ дѣйствительно отрицалъ за одними русскими епископами право судить его — патріарха). Вся эта тирада, очевидно, составлена въ виду дѣла патріарха Никона. Покопчивъ съ патріаршествомъ, Петръ I рѣшился подчинить и всѣхъ епархіальныхъ русскихъ архіереевъ своей власти.

нимъ лицомъ патріарха, а цѣлымъ соборомъ іерарховъ, — была-бы менѣе способна подчиняться разнымъ домогательствамъ и искаціямъ со стороны власти гражданской. Но это возможно только при томъ *непреклонномъ* условіи, чтобы этотъ соборъ не составляли „повелѣніемъ самодержца и егожь съ прочими разсмотрѣніемъ собранныя лица“, какъ сказано въ 3-емъ пунктѣ, а чтобы они были *выбраны* самою Церковью (эта мысль подробнѣе будетъ раскрыта въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящей главы). Безъ этого-же условія соборъ будетъ только *вѣдомствомъ*, служащее въ которомъ, по выраженію одного изъ писавшихъ по этому вопросу авторовъ, будутъ „творить волю пославшаго ихъ“ ¹⁾. Последнее обстоятельство именно и имѣетъ мѣсто въ созданной по проекту Теофана коллегіи.

7-ой пунктъ—самый большой и, надо сказать, самый правдивый, потому что совершенно вѣрно передаетъ руководившіе Петромъ мотивы. „*Велико и се, читаемъ здѣсь, что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковыя происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго*“ и т. д. ²⁾. Кажется, нѣтъ нужды доказывать, что это основаніе *канонической* цѣнности не имѣетъ ровно *никакой*. Здѣсь мы можемъ только сказать, что весь

Составитель Духовнаго Регламента, какъ видно, зналъ, что на Руси нѣкогда существовали „свободные архіерен“, которые говорили: мы де суду царскому не подлежимъ. Ихъ поучаетъ Д. Регламентъ: „вѣдали бы епископы мѣру чести своея“ (тамъ-же, стр. 73). „Не трудно видѣть,—заканчиваетъ свою статью проф. Каптеревъ,—чѣмъ были вызваны эти разсужденія Духовнаго Регламента объ опасности патріаршества для государства, о простомъ невѣжественномъ народѣ, смотрящемъ будто-бы на патріарха, какъ на равнаго или даже какъ на высшаго, нежели самодержецъ, о томъ, что духовный чинъ, по представленію нѣкоторыхъ, есть другое и лучшее государство, о томъ, что и у насъ духовная власть оказывала „замахи“, что въ случаѣ проступка патріарха, для суда надъ нимъ придется вызывать изъ Турціи восточныхъ патріарховъ, такъ какъ онъ не захочетъ подчиниться суду только своихъ епископовъ: предъ глазами составителя Духовнаго Регламента стояли, по нашему мнѣнію, тѣ именно событія, о которыхъ мы рассказали выше“ (тамъ-же, стр. 74).

¹⁾ Русск. Вѣсти. 1891 г., кн. XI, стр. 185.

²⁾ П. с. п., стр. 4—5. Остальной текстъ этого пункта представляетъ собою дальнѣйшее развитіе этой темы и имѣетъ болѣе историческій интересъ—

этотъ пунктъ былъ-бы вполне умѣстенъ въ какомъ-либо памятникѣ языческаго законодательства, враждебнаго христіанской церкви; и, напротивъ, онъ производитъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе, находясь въ уставѣ *церковнаго* управленія *православной* Россіи. Трактовать Церковь и ея правительство, какъ какой-то не особенно надежный элементъ въ государствѣ, всегда готовый къ революціонному броженію и пропагандѣ, — за которымъ, поэтому, надо особенно строго и внимательно наблюдать, — значитъ не понимать характера Церкви и ея власти. А въ устахъ архипастыря Церкви, какимъ былъ Теофанъ, такія разсужденія, — *sit venia verbo*, — положительно неприличны ¹⁾.

для рѣшенія вопросовъ: были-ли основательны подобныя опасенія Петра? и нужно-ли было, въ виду ихъ, уничтожить патриаршество? Онъ гласитъ: „простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной; но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и большій его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и ее самъ собою народъ тако уместовати обыкль. Что-же, егда еще и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся, и сухому хврастію огонь подложатъ? Тако простые сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ-либо дѣлѣ, смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовать и бунтоватися дерзаютъ, и льстятъ себе окаянные, что они по самомъ Богѣ поборствуютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще-бы и на кровопролитіе устремлялися. Такому-же въ народѣ мнѣнію вельми рады и не простые, но коварные челоувѣцы: тіи-бо, на Государя своего враждующе, егда увидятъ ссору Государя съ Пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и, подъ видомъ церковной ревности, не сумняшеса подносить руки на Христа Господа, и къ тому-жъ беззаконію, яко къ дѣлу Божію, подвизаютъ и простой народъ. Что-жъ, когда еще и самъ Пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спастъ не похочеть? Изрещи трудно, коликое отсюда бѣдствие будетъ“. По нашему мнѣнію, основанія для подобныхъ опасеній Петра имѣлъ, и серьезность руководившихъ имъ мотивовъ — безспорна, ибо въ прошлой исторіи Руси на этотъ счетъ — не безъ поучительныхъ примѣровъ. Но избранное имъ средство для огражденія государственныхъ интересовъ — слишкомъ радикально, и его мѣропріятія и реформы въ церковной жизни совершенно напрасно шли гораздо дальше, чѣмъ было дѣйствительно нужно.

¹⁾ Говоря это, мы не желали-бы подвергнуться упреку въ *противорѣчій* съ высказаннымъ нами (въ предш. примѣч.) мнѣніемъ, что для успѣ-

8-ой пунктъ читается: „*Еще и сіе угодіе церкви и государству отъ таковаго правительства будетъ, что въ немъ не токмо единъ нѣкто отъ содѣателей, но и самъ президентъ или предсѣдатель подлежатъ имать суду своей братіи, то есть томужде коллегіумъ, аще-бы въ чемъ знатно погрѣшилъ, не такъ, какъ дѣется, гдѣ единъ самовластный пастырь владѣетъ; ибо онъ не позоветъ отъ подручныхъ себѣ епископовъ судитися. Аще-же-бы къ тому и принужденъ былъ, то обаче въ народъ простомъ, правосудія невѣдущемъ и слѣпо разсуждающемъ, таковой судъ былъ-бы подозрительный и поношенію подверженный. Отъ чего дѣется, что на злого таковаго едино-властителя нужда есть созывать соборъ Селенскій, что и съ великою всего отечества трудностію, и съ немалымъ иждивеніемъ бываетъ, и въ нынѣшнія времена (когда восточные патріархи подъ игомъ турскимъ живутъ, и Турки нашего государства вѣще, нежели прежде, опасаются) отнюдь мнится быти не возможно“¹⁾. Какъ уже мы упоминали, этотъ пунктъ составленъ въ виду отказа патріарха Никона подчиниться суду русскихъ архіереевъ. Но, прежде всего, отказъ этотъ трудно оправдать съ канонической точки зрѣнія, и потому если-бы законнымъ порядкомъ, т. е. путемъ соборнаго опредѣленія, на будущее время постановлено было церковное правило о подсудности патріарха собору епископовъ его помѣстной церкви, то указываемое авторомъ Регламента затрудненіе перестало-бы существовать. Въ самомъ дѣлѣ, относительно суда надъ патріархомъ въ канонахъ ощущается пробѣлъ, восполненіе котораго является задачей будущаго для правообразующей дѣятельности Церкви. Относительно же того, будто для суда надъ патріархомъ необходимъ вселенскій соборъ, канонисты признаютъ, что хотя вселенскій соборъ, безспорно, имѣетъ право судить патріарха (потому что вообще имѣетъ неограниченныя полномочія въ церкви),*

ховъ Петровской гражданской реформы патріаршество было опасно. Тамъ мы смотрѣли на дѣло съ исторической точки зрѣнія, а здѣсь—съ *принципальной*. А извѣстно, что факты и принципы не всегда оказываются въ согласіи. Но жертвовать послѣдними въ пользу первыхъ совершенно нерезонио. И наши настоящія разсужденія, содержа требованіе со стороны государства извѣстныхъ отношеній къ Церкви, eo ipso требуютъ, чтобы и послѣднія отвѣчала своему идеальному назначенію.

¹⁾ П. с. п., т. I, стр. 5.

какое право и подтверждается многочисленными примѣрами изъ судебной практики 2 — 5 вѣковъ, однако трудно перевернуть это положеніе и утверждать, что судъ надъ патриархомъ невозможенъ безъ вселенскаго собора. „Повидимому, говоритъ проф. Заозерскій, мы приведены въ необходимость заключать, что власть суда надъ патриархомъ принадлежитъ только вселенскому собору: въ самомъ дѣлѣ, не только Несторія, но и Македонія и Діоскора осудилъ вселенскій соборъ; приговоръ св. Флавіана надъ Евтихіемъ провѣрялъ также вселенскій соборъ. Но мы воздерживаемся отъ такого вывода на томъ основаніи, что во всѣхъ этихъ случаяхъ главнымъ предметомъ собора служила не личность патриарха, а поднятый имъ вопросъ вѣры. Всѣ четыре вселенскихъ собора этого времени имѣли главнымъ своимъ назначеніемъ утвердить вѣру православную, изложить истинное ученіе церковное, отдѣливъ его отъ ложныхъ чловѣческихъ мудрованій, которыя стремились привести въ него упомянутые ересіархи. Ни ересь Несторіанская, ни ересь Діоскора или Македонія не были мѣстнымъ или частнымъ ученіемъ какого-либо изъ сихъ патриарховъ, или имѣли мѣстомъ своего возникновенія и образованія одну какую-либо частную церковь: въ такомъ случаѣ, онѣ и были-бы осуждены только частною церковью“ ¹⁾. Въ пользу того рѣшенія, что патриархъ подсуденъ епископамъ своей области, говорятъ и тѣ правила, которыми утверждается полная автономія помѣстныхъ церквей въ дѣлѣ суда ²⁾. Что-же касается возможнаго возраженія, будто патриархъ, какъ лицо высшее, не можетъ быть судимъ лицами низшими его въ іерархическомъ отношеніи, то практика древней церкви показываетъ, что въ важнѣйшихъ случаяхъ церковной жизни, — напр., на вселенскихъ соборахъ, — ранговья различія между іерархами не имѣли никакого значенія въ отношеніи ихъ правъ на участіе въ рѣшеніи дѣла.

Относительно того довода, будто простой народъ не признаетъ законнымъ судъ помѣстной церкви, надо сказать, что этого трудно ожидать. Напримѣръ, въ дѣлѣ п. Никона со стороны *народа* мы никакого протеста съ подобнымъ харак-

¹⁾ Заозерскій, Церковный судъ. Кострома. 1878. Стр. 238.

²⁾ Ср. 1 всеел. соб. пр. 5; Ант. соб. пр. 9 и др.

теромъ не встрѣчаемъ. А затѣмъ, — мало-ли чего простой народъ не признаетъ законнымъ? Странно было-бы угождать народному невѣжеству! Да, наконецъ, вѣдь и самый Синодъ, какъ мы видѣли, народъ не призналъ законнымъ.

Но если-бы и дѣйствительно съ канонической точки зрѣнія встрѣчались нѣкоторыя затрудненія для производства суда надъ патріархомъ въ предѣлахъ помѣстной церкви, — чего на самомъ дѣлѣ мы не видимъ (здѣсь не излишне напомнить и примѣръ восточныхъ церквей, гдѣ патріархи удаляются въ отставку очень легко), — то развѣ логично дѣлать отсюда выводъ о необходимости упразднить самое патріаршество? Послѣдовательность требовала-бы тогда рекомендовать и упраздненіе всѣхъ прочихъ патріаршествъ. И вообще, довольно странно, въ законодательномъ памятникѣ, претендующемъ на каноническую цѣнность, встрѣчать аргументацію, гдѣ фигурируетъ столь далекій отъ всякой каноники предметъ, какъ турки.

Послѣдній, 9-й пунктъ не требуетъ разбора по своей несерьезности. „*Въ такомъ правительствѣ соборномъ, гласить этотъ пунктъ, будетъ аки нѣкая школа правленія духовнаго*“ и т. п. ¹⁾. Вполнѣ можетъ быть такою школою и патріаршія синодъ.

Мы окончили разсмотрѣніе тѣхъ основаній, какими оправдываетъ себя реформа. Приговоръ объ ихъ каноническомъ достоинствѣ приходится дать отрицательный.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Тихомировъ.

¹⁾ И. с. п., т. I, стр. 5.